

Глава первая

КОГДА ПЕСНЯ ПЕРЕСТАЛА ИГРАТЬ...

...Когда песня мертвых птиц пахла жженой бумагой, а губы директора жадно втягивали дым безвкусной сигары, в это время за ним внимательно наблюдали из экрана. Его изучали, как подопытную крысу, принимающую активное участие в чужом эксперименте: мужчину, сгорбившегося в кресле, директора психиатрической лечебницы, который молча курил и смотрел в сторону своего зрителя.

Да, именно там, у окна, за ним следили глаза. Невидимые, янтарного цвета глаза, с небольшим оттенком изумруда.

Изумрудно-янтарные, медовые, всепоглощающие глаза, которым было приятно наблюдать за этой странной фигурой в кресле, любящей тишину больше, чем женщин, за актером, который теперь исполнит главную

роль по сценарию того, кто за ним смотрит с экрана. Можно даже сказать, что директор — марионетка в руках кукловода.

Но марионетка, абсолютно уверенная в том, что никаких нитей нет и что кукловод в равной степени может обмениваться ролями с куклой. Охотник всегда может стать добычей сам.

Пока директору о Сомелье известно мало, он — добыча.

После того как директор сжег письма, он первым делом достал из тумбочки чистый лист бумаги и ручку. Переписал по памяти те строки из Ремарка — вторую подсказку Сомелье, данную им в письме:

«Я перестрою магазин под кафе. Светлые обои в цветочках, три музыканта. Пианино. В глубине бар. Дом расположен в благополучном квартале. Гардины и люстры приобрету. Ну и, конечно, квартирная плата с жильцов верхних этажей».

Директор запомнил самое главное, как ему казалось, и сразу же записал на бумагу, чтобы не забыть.

Сомелье — серийный убийца, от имени которого стыла кровь у всех жителей Евро-

пы. Каждая новость о нем — это еще одна смерть молодой девушки.

Он не убивал их, а всего-навсего целовал. Так он считал.

Директор хотел вспомнить, кто же такой Сомелье — пациент, которого он когда-то лично обследовал. Но сколько ни старался, все было напрасно. За время работы через него прошло несколько тысяч пациентов, и удержать в памяти всех было практически невозможно.

Директор сидел в темноте и курил, уставившись в точку перед собой. Ему мнилось, что он смотрит в глаза убийцы. И как оказалось — не зря.

Молодой мужчина двадцати трех — двадцати четырех лет глядел на директора из маленького экрана толстого старого телевизора восьмидесятых — девяностых годов. Знаете, такие ретроагрегаты, показывающие всего несколько каналов.

Он внимательно смотрел сначала на маленькую красную точку в комнате — на яркий жар сигары, вспыхивающий в тот момент, когда директор делал затяжку. Затем — на серый густой дым, который на некоторое время скрывал лицо директора от посторон-

них глаз. Хотя цвет радужки невозможно было разглядеть из-за плохого освещения, но Сомелье всем телом чувствовал, что глаза директора смотрят прямо в глаза ему.

Молодого человека охватило некое волнение, мимолетный трепет, может быть, даже страх или просто азарт от предстоящей встречи. Гладкое, без морщин, белое лицо человека с медовыми глазами излучало воодушевление, намертво застывшую эмоцию. Ему доставляло удовольствие следить за тем, кто мог сыграть с ним на равных и, возможно, даже сыграть вничью.

Такой молодой амбициозный игрок, у которого в силу своих немногих лет не случилось ни одного поражения, и этот факт доставлял ему удовольствие.

«Поражение — это дело времени», — сказал бы ему кто угодно, особенно тот, кто жил на свете вдвое дольше. Но молодой человек ответил бы сразу: «Поражение — это свойство души».

Сомелье с детства считал, что Господь обделил его этим свойством. Но так не считала его мать, а потому мальчик со стержнем внутри постоянно получал по голове тяжелой сильной рукой. Сомелье никогда не заблудился.

ждался по поводу того, что мужчина в этом мире сильный, а женщина слабая.

Мать Сомелье была самой сильной женщиной на всем белом свете, и если бы даже Атлант снизошел на землю и решил бы помериться силами с его матерью, то он, несомненно, отдал бы небо в руки этой женщины.

Мать, которая растит своих сыновей без мужчины, — это и отец, и мать, и Господь Бог. И если бы Сомелье однажды спросили, любил ли он эту женщину, он бы сказал, что со временем научился ее понимать, и с тех пор ему перестало быть больно от любого ее удара.

Ведь больно не когда бьют, а когда не понимаешь причины этого или причина недостаточно веска. Мальчишка с голубыми глазами (которые со временем приняли цвет изумруда, а затем изумруд утонул в меду) с раннего детства проявлял к своим сверстникам особый интерес.

Ему не хотелось с ними играть, он не получал того детского необходимого удовольствия, играя в прятки в заброшенном здании на окраине района, — он испытывал наслаждение, если случайно касался волос или ко-

жи маленького веснушчатого существа противоположного пола.

Сомелье очень рано обнаружил в себе Мужчину, и когда однажды перед сном он поделился со своим братом историей о том, какое блаженство он испытывает, касаясь кожи девушек, то Миа уставился на него во все глаза и сказал, что это проделки сатаны. И нужно обо всем рассказать матери.

Но мать лечила сатану кнутом, и когда Миа втихаря сдал с потрохами свою девятилетнюю копию — с таким же цветом глаз, как и у него, но с другими душевными свойствами, — то женщина, будучи и матерью, и отцом, и преподобным пастырем, выбила из мальчишки всю его любовь к женскому полу.

В десять лет Сомелье даже боялся поднять глаза в сторону любой девушки в присутствии своей матери.

А вот брату он этого не простил. Он пронес это предательство через всю свою жизнь, но так и не смог его извинить. Он смеялся вместе с ним, он обсуждал с ним самые разные вещи и осторожно делился своими секретами, он покрывал его, когда тот только начинал курить, он любил его, как единствен-

ного мужчину в своей жизни, но за тот поступок он его не простил.

И даже смерть не оправдала предательство Миа. Можно, конечно же, любить предавших однажды людей. Любить можно, но извинить — никогда.

Сомелье не умел прощать. Он умел играть на скрипке, он умел ударить так, чтобы человек начал задыхаться и упал перед ним на пол, он умел касаться женщин, тайно, чтобы не знала об этом мать, он умел и курить, и пить алкоголь, но не пил и не курил, так как это не доставляло ему удовольствия, он умел выигрывать на турнирах по шахматах, на соревнованиях по рукопашному бою, но он не умел прощать.

Простить — значило извинить человеку его слабость. По мнению Сомелье, каждый человек, рожденный на этой земле, обязан быть сильным, а по факту всю свою минувшую юность ему хотелось стать сильнее своей матери, но даже навыки, приобретенные в рукопашном бою, оказались бессильны перед женщиной, удержавшей небо.

Возможно, небу и не нужно было, чтобы его держали, но сорокалетняя Ребекка, мать двоих сыновей-близнецов, истинно считала

своим долгом быть сильной и все держать в своих руках. Юношеский мир Сомелье — это одноэтажный двухкомнатный дом, недалеко от местной речки и бесконечных зеленых лугов.

Небольшой домик на окраине города М, куда не добиралась городская суета и постоянный шум автомобилей. Там не было воя сирен, сигнализации машин, ругани продавцов и случайных прохожих. Это было место тишины и бесконечного уединения от всего внешнего мира.

Только луга, только речка, только дом на самом отшибе земли. Только брат, как две капли воды похожий на юного серийного убийцу, который когда-то давно был обыкновенным подростком — рыбаком, скрипачом и бойцом-шахматистом. Только мать! И никого больше.

* * *

Директор сидел в полутьме в своем кресле и больше не предавался мыслям. Он читал. Вчитываясь в каждое слово, в каждую букву тех строк из Ремарка, которые он переписал на лист по памяти.

«...магазин под кафе... Дом находится в благополучном квартале».

Благополучным в этом Богом забытом городе можно было считать только один квартал — Синьон. И директор склонялся к тому, что Сомелье следует искать там.

Небольшой чистый район недалеко возле центра города. Все квартиры в новых современных постройках скуплены местной «элитой». На улицах этого квартала никогда не встретишь бездомную собаку, попрошайку или бомжей. Вся территория района под охраной.

Случайным прохожим там было делать нечего.

Перед тем как отправиться исследовать квартал Синьон, директор решил позвонить офицеру Рено и попросить еще об одной встрече с доктором Стенли.

— Алло.

— Офицер Рено?

— Да. Что вам угодно, директор? Если вы по поводу мисс Лоры, то никаких новостей пока нет. Она словно в воздухе испарилась. Мы с группой проверили всех ее родственников и друзей, опросили всех соседей. Она не появлялась в этом городе с момента приезда в вашу клинику. Понимаете, к чему я клоню?

— Не совсем, — честно признался директор.

Конечно же, он осознавал, что они ее не найдут живой, разве только труп. Сомелье просто так ее не отпустит.

— Это больше становится похоже на похищение, тем более ее отец как-то уж очень по-настоящему переживает за свою дочь. Он мне житья не дает, звонит каждые полчаса. Вряд ли человек, который надежно спрятал свою дочь и знает, что с ней все в порядке, будет разыгрывать такой спектакль перед нами. Как вы считаете, директор?

— Я думаю, все возможно, офицер. Ничего однозначного по этому поводу сказать не могу.

— Вы сами нас натолкнули на мысль, что мисс Лора — убийца, а ее внезапное исчезновение — это всего-навсего хорошо спланированный побег, а теперь вы в этом не уверены, директор?

Офицер Рено как собака-ищейка обнюхивал сущность директора.

— Я мог ошибиться, офицер.

— Нам ваша ошибка может дорого обойтись. И вообще, с вами все в порядке? У вас какой-то подавленный голос.

— Не беспокойтесь, все как обычно, — соврал директор, так как «обычно» серийные убийцы не пишут директору откровенные письма на несколько страниц.

— Ладно. Что-то еще?

— Я хотел попросить вас дать мне еще одну встречу с доктором Стенли. С бывшим доктором Стенли, — поправил себя директор.

— А это зачем?

Офицер Рено был, как всегда, подозрителен и придирчив. Все ему требовалось знать.

— Я бы хотел еще раз взглянуть ему в глаза.

— Что? — удивился офицер. — Взглянуть в глаза? А разве вам было мало его глаз на протяжении всех лет, проведенных..

— Вы меня не поняли, офицер.

— Тогда объясните.

— Стенли — не убийца, офицер Рено. Это я могу вам сообщить предельно точно, проведя с этим человеком, можно сказать, взаперти много лет. Но он покрывает настоящего убийцу. Того человека, который убил Эриха Бэля и похитил мисс Лору из ее палаты. Чтобы покрывать преступника, а тем более оказывать ему содействие, — должна быть моти-